

Книги Йоава Блума,
опубликованные
Издательством АЗБУКА

ТВОРЦЫ
СОВПАДЕНИЙ

РУКОВОДСТВО
К ДЕЙСТВИЮ
НА БЛИЖАЙШИЕ
ДНИ

Я ВСЕГДА
ОСТАЮСЬ СОБОЙ

ЧТО ДРУГИЕ
ДУМАЮТ ВО МНЕ

МГНОВЕНИЕ
ОКА

ЙОАВ БЛУМ
МГНОВЕНИЕ
ОКА

Санкт-Петербург

УДК 821.411.16
ББК 84(5ИЗр)-44
Б 70

Yoav Blum
IN THE BLINK OF AN EYE
Copyright © 2023 by Yoav Blum
All rights reserved

Перевод с иврита Екатерины Карасевой
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-33209-6

© Е. Н. Карасева, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

*Запуск в Южную Африку,
13:00:00, 1 января 150 000 000 лет до н. э.*

Портал открылся высоко в небе. Из-за небольших погрешностей в расчетах он оказался очень далеко от поверхности земли, но это было не важно.

Внизу роса блестела на зеленой траве, деревья отбрасывали тень, но все же нельзя было отделаться от странного ощущения. Ни один человек никогда не видел этой травы, деревьев или животных, мирно бродивших среди них.

Спустя много лет люди найдут окаменелости, с помощью которых попробуют понять, кто царил раньше на земном шаре. Они, в частности, попытаются восстановить облик доисторических животных, цвет и текстуру их кожи; может, у них даже получится угадать нрав этих животных по росту, форме лап или размеру зубов. Но для появления окаменелостей необходима определенная среда обитания. В одних ареалах она увековечила останки животных, в других, где состав почвы или влажность не благоприятствуют образованию окаменелостей, приговорила их к чему-то гораздо худшему, нежели просто безвестность или исчезновение. Ни одна живая душа никогда не найдет их останков — даже вообразить их не сможет.

Человек, который вывалился из небесного портала и шмякнулся в высокую траву, пожалуй, завопил

бы, разглядев хорошенько морду зверя, который подошел к нему, чтобы сначала понюхать, а потом укусить.

И этот вопль был бы исполнен бесконечного ужаса, ведь подобравшееся к человеку существо не походило ни на что знакомое, вроде велоцираптора или тирекса. Тварь, что приблизилась к телу, распростертому на земле, не имела ни малейшего сходства с чем-либо известным лежащему. Движения, смрад из пасти, ленивое вращение того, что можно было бы назвать глазами, замах, с которым существо вонзило в плоть клыки, — все это парализовало бы человека страхом, осознанием того, что он исчез и находится теперь ближе к первоначальному небытию, чем к бытию, в конце которого лежит забвение.

Однако, на его счастье, он был уже мертв.

Он был уже мертв, когда вывалился из портала, открывшегося в небе, мертв на протяжении тех долгих пяти секунд, пока летел вниз.

Портал закрылся еще до того, как тело упало на землю. Существо, понюхавшее труп и укусившее его, ушло, потеряв к нему всякий интерес. Странный вкус, отдающий тухлятиной.

Время растерзает тело вместо животного, разложит его так, как ни одна живая тварь, чудовище или идеология не смогут разложить. Молекулы, из которых оно состоит, вольются в армию других безымянных молекул, составляющих мир, растворятся в их скоплении без следа. Словно дерево, упавшее среди леса, которого не видел и не слышал ни один человек, это тело, по сути, никогда не существовало.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТО,
ЧТО ОСТАЕТСЯ
ПОСЛЕ НАС

Нынешнее время при помощи прошлого
Будет судить великий человек Юпитера.

*Пророчества Нострадамуса,
центурия X, катрен LXXIII*

И когда дракон жестокий
В прошлое нору пророет,
Настоящее, грядущее сожжет он,
Если пламя его прежде не погасят.

*Псалмы монаха Микеле,
псалом MMXIX*

За два с половиной часа до того, как рухнуть на пол с пулей в груди, профессор Йони Бренд отправил Авигаль Ханаани свой предпоследний в жизни имейл. Несколько строк, не более того, дружелюбный тон, взвешенные слова, автоматическая подпись. Затем он с мягким щелчком закрыл ноутбук и положил рядом с собой на кровать.

В телевизоре напротив кровати джинн клялся Аладдину, что никогда не найдет другого такого друга. Профессор Йонатан Бренд, признанный авторитет в области физики, награжденный медалью Оскара Кляйна, тот, кого пять лет назад журналист еженедельника «Нью-Йоркер» назвал «самым острым и подвижным умом, какой мне доводилось встречать», сидел, скрестив ноги, на кровати. Сидел в той самой одежде, в которой вернулся недавно из университета, качал головой в такт музыке и поглощал, как позже выяснится, свой последний ужин — сухарики со вкусом барбекю, которыми он зачерпывал творожный сыр из банки.

Вообще говоря, у Бренда накопилась куча дел, которые требовалось срочно переделать. Надо было править работы студентов, рецензировать статьи, присланные другом из важного научного журнала, разобраться с ворохом грязной одежды, ожидавшей

немедленного внимания. Если совсем честно, и куда менее важных дел набралось предостаточно. Хотя бы имейл отправил, уже хорошо. Наверное, это пустяк, не более чем плод его фантазии; в последнее время он слишком много воли дает воображению, больше, чем хотелось бы. Но осторожность никогда не помешает.

Несколькими минутами ранее, на кухне, открыв холодильник, чтобы достать творожный сыр, он заметил — в очередной раз — початую бутылку вина, задержавшуюся на полке дверцы немым свидетелем той последней встречи, сведшей всех за одним столом. Он подумал было выбросить бутылку, освободив таким образом место в холодильнике, но снова отложил это до следующего раза, закрыл дверцу и пошел в спальню, решив подарить себе еще один вечер эскапизма. Он это заслужил, в конце концов. Наверное...

Он вспоминал их последний совместный вечер. Компаниям друзей суждено распасться, это нормально и естественно, но все равно воспоминания были так прекрасны, что причиняли боль. Раскладной стол, за которым все сидели, яркое ночное небо, зеркальная гладь озера рядом, и тишина Скалистых гор. Вид, от которого замирает сердце.

Он вспоминал Элиану, ее залитое светом лицо и горящие, как прежде, глаза, то, как она подняла бокал и сказала с мягкостью юной девушки, которой была когда-то: «За всю красоту, что есть в мире!» Он вспоминал, как Эди показал ему одобрительно выставленный вверх большой палец, сбрасывая в кои-то веки маску молчаливой отстраненности, как он

улыбнулся и назвал Бренда гением. Он вспоминал Бени, его бегающий взгляд, руки, тянущиеся то к круассану, то к рогалаху¹, которые Бени то и дело подносил к улыбающемуся рту, ни на миг не умолкая, — все болтал и болтал про очередное свидание, про биткоины, про то, как язык тела выдает мысли людей. Он вспоминал Дорона, который озабоченно ерзал на стуле, беспокоясь, у всех ли есть еда и напитки, а потом оглядывал живописные окрестности и вздыхал — то ли умиротворенно, то ли пытаясь унять тревогу. Он вспоминал Ниру: как она чокнулась с ним бокалом, подняв бровь; вспоминал ее тонкую, спокойную, всезнающую улыбку.

Ему и правда пора уже выкинуть эту бутылку.

Могли ли обстоятельства сложиться иначе, если бы он вовремя все понял, или же раскол был неизбежен? Может быть, все братства прошлого — не более чем искусственно созданная общность людей, обязанная своим появлением случаю, слепой судьбе, сведшей несколько человек в детстве или юности? Надежда вернуться в исходную точку не более чем заблуждение. Он положил в рот еще один сухарик и сосредоточенно прислушался к тому, как тот хрустит на зубах. Раньше было не проще. Не было в исходной точке ни волшебства, которое с течением времени развеялось, ни проклятия, грозящего вот-вот сбыться. Ни одна точка во времени не лучше другой, все одинаковы. Просто он этого раньше не понимал.

¹ *Рогалах* — разновидность популярных в Израиле мини-круассанов с начинкой. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Йони Бренд лег, пристроив голову на спинку кровати, и закрыл глаза. Он должен завтра отвезти группу старшеклассников в луна-парк. И угораздило же его полгода назад присоединиться к этому волонтерскому проекту... Бренд почему-то думал, что через картинг сможет растолковать им три закона движения Ньютона. Ну что ж, доколе никакая внешняя сила не избавила его от глупого обязательства, он будет двигаться по инерции, пока что-нибудь не заставит его назавтра пожалеть об этом, а потом подшучивать над собой с коллегами. А может, в боулинг их сводить?

Он поднял голову и сосредоточился на экране телевизора. Спустя пять минут отправил свой последний в жизни имейл (с вопросом о правилах парковки возле университета, адресованным секретариату физфака), а потом сел, погасил экран компьютера и задумался, смотреть ли ему дальше мультфильм или взяться за рецензию на статью.

Биньямин Кроновик, по прозвищу Банкер¹, ловил на себе восхищенные взгляды трех разных женщин и изо всех сил пытался не обращать на это внимания.

— Тут нужен особый склад характера, — сказала одна другой, разглядывая его костюм. — Не думаю, что у меня бы получилось.

— Конечно не получилось, — подтвердила другая. — Меня одна-то с ума сводит. А когда их больше трех десятков и они объелись сладостей, это просто кошмар.

¹ В переводе с английского это прозвище означает «беспроблемная ставка» или «человек, который всегда выигрывает».

— Ладно, цена вполне приемлемая, — рассудила третья, мама именинницы, — и пока он их развлекает, я только за.

— Кстати, — спросила первая, — а торт содержит глютен?

— Да, — ответила третья, не потрудившись даже посмотреть в ее сторону. — Это же торт.

Банкер, наряженный клоуном, с микрофоном возле рта, в блестящих бисеринках пота, выступивших из-под цветастого парика (приобретен в магазине «Все по пять шекелей»), пытался — не в пример собрату, который расклеился посреди представления, — заставить три с лишним десятка детишек поднимать ручки в такт музыке.

Не требовалось особой наблюдательности, чтобы уже сейчас заметить зачатки социальных ролей, которые дети взяли на себя: этот энергичный, та скромняшка, вон тот хитрюга, еще один почти не старается, другой восторженный, эта с любопытством изучает остальных, тот ждет подходящего момента, чтобы устроить хаос... Банкер (такое прозвище закрепилось за ним еще со школьных времен) любил свою работу — в основном из-за возможности знакомиться с людьми и изучать их. Дети служили всего лишь предлогом. По-настоящему интересными созданиями, вокруг которых можно выстраивать целые истории, были родители, стоявшие в сторонке, уткнувшись в телефон, жевавшие кукурузные палочки, предназначенные для детей, или пытавшиеся, иногда неуклюже, иногда с подозрительной ловкостью, завязать беседу.

Он перечислял в уме в обратном порядке то, что ему предстоит сделать до конца представления:

нарезать торт и вручить подарки виновнице торжества, перед этим поставив ее на стул, чему должен предшествовать веселый танец, а перед ним — шоу мыльных пузырей, а еще раньше — викторина для именинницы, предваряемая тремя фокусами, рекевизит к которым предлагает любой магазин для волшебников-любителей, а перед ними — «разогрев»: им он сейчас и занят. Порядок неважен на самом деле. Когда дети станут вспоминать праздник, мыльные пузыри перемешаются в их памяти с фокусами, а танцы и все остальное сольются в радостную сумятицу. Мозг не запоминает, мозг отфильтровывает, выбирает, что оставить, а что забыть. Он, Банкер, просто светлое пятно в детском подсознании. Ему нравилась его работа. Другим она казалась наказанием, но Банкеру представлялась чем-то естественным: он проделывал все необходимое на автомате, как за рулем машины, когда едешь домой привычным маршрутом и можешь думать о посторонних вещах.

Умение Банкера думать о нескольких предметах одновременно было — или, по крайней мере, казалось другим — суперспособностью. Уже ребенком он мог слово в слово повторить услышанное в классе, хотя со стороны все выглядело так, будто он рассеянно глазаест по сторонам и строит план по захвату мира. Став взрослым, он развил этот талант до способности вести параллельно два диалога с двумя женщинами, сидящими на противоположных концах барной стойки, и очаровывать обеих, каждую по-своему. К тому моменту, как закончится представление с мыльными пузырями (включить электрический выдуватель над головами детей, объявив,

что победит тот, кто лопнет больше всех пузырей, — кстати, победа будет общей), он уже угадает, кто из мамаш состоит в престижной женской тусовке, а кто молча завидует им со стороны; почему трое отцов не разговаривают друг с другом; кого из детей привезли на дорогой машине, припаркованной за углом, и почему мама Тали не сводит глаз с папы Яхели (планирует закрутить с ним роман или подозревает в нем педофила?).

Спустя примерно час, уже сняв костюм и смыв грим, Банкер на несколько минут притормозил у стола с угощениями, чтобы взять печенье, прежде чем ехать домой.

— Напомни мне, — обратилась к нему одна из матерей, — ты папа... Силан? Верно?

— Я очень люблю детей, — отвечал он с улыбкой, — но даже под дулом пистолета не соглашусь завести своего. Я аниматор.

— А... — протянула она и оглядела его снова сверху донизу.

Ему был знаком этот испытующий взгляд. Они всегда приходили в изумление, когда он становился самим собой, одетый в темный жакет, заросший щетиной, не замаскированной гримом, в широкополой шляпе. Удивлялись его глубокому голосу, длинным ногам и большим рукам, уже не прятавшимся под клоунским костюмом. Удивлялись высокому и таинственному мужчине, притягательному, как молодой Джефф Голдблум. Теперь он хотел показать, что может быть и таким.

Женщине хватило двух секунд, чтобы сменить тактику в диалоге.

— У тебя круто получается держать их внимание, — сказала она, подняв бровь.

— Я уважаю их и демонстрирую, что люблю с ними играть, — пожал он плечами. — Это помогает управлять происходящим. — Специально для нее он акцентировал слова «уважаю» и «люблю». Пусть теперь сама решает, что с этим делать...

— Ну, любовь — это и в самом деле вид контроля. — Она хихикнула. — По крайней мере, так думал мой бывший муж.

О'кей, подумал он, посыл понятен.

— У Адира, моего младшего, вон того рыженького, — указала она, — день рождения через пять месяцев. Может, оставишь мне свой номер? Думаю, он будет рад, если ты проведешь праздник у нас.

— Само собой. — Он улыбнулся и вытащил записную книжку из внутреннего кармана жакета. Написав свой номер телефона, он вырвал листочек и протянул ей. Никто не ищет аниматора за пять месяцев до дня рождения, ну да ладно.

— Как тебя зовут?

— Биньямин, — ответил он, заталкивая в рот еще две печенки, — но можешь называть меня Банкер. Меня все называют Банкер.

Авигаль Ханаани сидела за библиотечной стойкой и отрешенно разглядывала молчаливые ряды книг на противоположном конце читального зала.

Она не пыталась читать. В этом не было смысла. Студент — первокурсник факультета черт-знает-чего-и-кому-какая-разница — сидел неподалеку. Рядом с ним на столе лежали три открытые книги. Он быстро что-то печатал на выдавшем виды ноут-

буке, надев огромные кастомные наушники. Кроме него, в библиотеке не было ни души. Пенсионеры уже вернулись домой, чтобы приятно провести время в компании исторического-романа-ставшего-классикой-но-актуального-и-по-сей-день, взятого в библиотеке, а молодежь еще не пришла проверить, появился ли новый «Дневник слабака». Благословенную тишину полуденной дремы изредка нарушали студенты, которые приходили в дневные часы писать семинарскую работу или тихо сетовать на то, что ее надо писать. Вот и этот первокурсник жужжал что-то себе под нос.

Не было никакого смысла в попытках подремать или хотя бы почитать что-нибудь. Жужжание было циклическим и состояло максимум из восьми нот; несмотря на всю свою любовь к порядку и минимализму, Авигаль чувствовала, что сходит с ума. Какое-то время назад она подошла к мальчишке, намереваясь тихо потрепать его по плечу, но беглый взгляд на экран компьютера показал, что он пишет фанфик про Гарри Поттера. Что ж, логично. Зачем еще битый час держать открытыми на одной и той же странице историю Великой французской революции, второй том Фрейдových «Толкований сновидений» и «Физику невозможного» Каку. Очевидно, парень выбрал их наобум, собираясь строчить что-то свое. Она отказалась от идеи потрепать его по плечу, решив не мешать.

Наконец Авигаль встрепелась, решив сделать что-то полезное, а не просто таращиться на книжные полки. Огромная стопка книг ждала кого-то, кто придет и обновит их статус в компьютере, а затем вернет на место. Никто из других библиотекарей не

давал себе труда этим заниматься. Подобно избалованным детям, считающим, что комната сама приведет себя в порядок, стоит только немного подождать, коллеги Авигаль поняли: если достаточно долго игнорировать стопку книг, которая растет и растет на столе возвратов (а потом уже и под ним), в один прекрасный день — например, когда Авигаль заступит на смену — стопка исчезнет сама собой.

Ей, по правде говоря, нравилось это занятие, эта квинтэссенция сизифова труда. Что-то было в мягком пиликанье, которое издавал сканер каждый раз, когда она проносила под ним штрихкод книги; в том, как тележка с книгами опустошалась, по мере того как Авигаль бродила с ней между полками, и это доставляло удовлетворение. С каждой новой книгой, которую Авигаль возвращала на место, она захватывала очередной опорный пункт в войне против энтропии. Тот факт, что энтропия в конечном счете все равно победит, ничего не менял. Здесь и сейчас Авигаль вернула вещи на свои места. Это успокаивало и ободряло, и каждый раз, когда книга, которую она ставила на полку, со знакомым шорохом протискивалась между двумя другими томами и со знакомым толчком касалась стенки полки, был равносителен впрыскиванию благословенной микродозы дофамина.

Когда она закончила расставлять книги по местам, студента уже не было, а вот тома, которые он взял, все еще лежали на столе. Авигаль и их вернула на место. Взглянув на часы над библиотечной стойкой, она поняла, что у нее в запасе еще есть время. Авигаль удостоверилась, что библиотека пуста,

и приступила к тому, чем постоянно занималась вот уже полтора года подряд, да так, что ни одна живая душа об этом не знала, — по крайней мере, никто не жаловался. Она бесшумно (ее туфли не издавали ни звука) подошла к полке, выбранной случайным образом, и достала с нее книгу. Уверенная, что никто за ней не наблюдает, она отнесла книгу в комнату для персонала, где имелась копировальная машина, сняла двадцать копий со страницы, повествующей о черных дырах и темной энергии, а затем вернулась и поставила книгу на место. Копии страницы она сложила и всунула в случайно выбранные книги: любовные романы, в которых суровые мужчины с трудным прошлым, но чистой душой разбивали сердце любопытным, наивным, богатым наследницам; исторические эпосы, где яркие, самодостаточные феминистки боролись с превосходящими силами противника способами, не одобряемыми культурой того времени; претенциозную научную фантастику, косящую то ли под детектив с убийством, то ли под психологический триллер, а может, под экзистенциальные философские размышления родом из семидесятых; наконец, обычное чтиво по психологической самопомощи, объясняющее тому, кто намерен что-то сделать правильно, что он должен, во-первых, что-то сделать, а во-вторых, сделать это правильно.

Никто никогда не жаловался, никто никогда не спрашивал шепотом другого библиотекаря, откуда в книгу, которую он взял, попала страница из работы про социологию меньшинств, или про историю британского мандата в Палестине, или про причины,

которые привели к Первой мировой войне, а то и лист с забытым стихотворением Леи Гольдберг. Она забавлялась, вкладывая эти страницы — сюрпризы для смущенных читателей. Все просто думали, что так и должно быть. В книгу американского фантаста Филипа К. Дика попало стихотворение израильской поэтессы Рахели — ну что ж, попало и попало. Ничего необычного. В этом случае хаос и энтропия были тайными сообщниками, которые покрывали ее.

Она закончила, вернулась за стойку и снова стала молчаливой Авигаль, вежливой Авигаль, Авигаль, любящей порядок, контролирующей каждую мелочь. Авигаль в очках с толстыми линзами, подobaющих ее образу. С черными волосами, спускающимися, подобно склонам горной вершины, ровно до плеч. С карманами, достаточно большими для блокнота и слишком маленькими для тетрадки. С мобильным телефоном, почти всегда пребывающим в летаргии авиарежима. С потрепанной закладкой, уже лет восемь кочующей из книги в книгу и маркирующей ее читательский путь. С заранее заготовленным ответом для мальчика, который вошел в зал и в сомнениях двинулся к стойке.

Она уже знает, что он хочет спросить, и знает, что предложит ему взять домой вместо того, что он ищет.

В 22:36 той же ночью, по свидетельству одного из соседей, раздался звук выстрела. В первые минуты сосед не понимал, что именно он услышал. Мы ведь не каждый день слышим выстрелы. Его окно

Блум Й.

Б 70 Мгновение ока : роман / Йоав Блум ; пер. с ивр. Е. Карасевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-33209-6

Профессор Йонатан Бренд, признанный авторитет в области физики, найден застреленным в собственном кабинете. Двери и окна закрыты изнутри — классическое убийство в запертой комнате, которое, как водится, ставит полицию в тупик. За расследование берутся два частных детектива-любителя: серая мышка Авигаль Ханаани, подрабатывающая в библиотеке, и Биньямин Кроновик по прозвищу Банкер, аниматор на детских праздниках, мечтающий о театральной карьере. Вскоре они узнают, что Йонатан Бренд занимался разработкой машины времени и, кажется, ему удалось ее построить. Теперь, чтобы найти убийцу, героям следует задаться вопросом не ГДЕ он скрывается, а КОГДА...

«Мгновение ока» — это увлекательный фантастический детектив, полный парадоксов, неожиданных поворотов, юмора и безграничного авторского обаяния, хорошо знакомого читателям по романам «Творцы совпадений», «Руководство к действию на ближайшие дни» и многим другим.

УДК 821.411.16

ББК 84(5Изр)-44

ЙОАВ БЛУМ
МГНОВЕНИЕ ОКА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Татьяна Филатова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Нина Писковитина, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.06.2026.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

A-MBB-42564-01-R